

Вагиф Султанлы

СРАЖЕНИЕ В ПУСТЫНЕ

Перевод с
азербайджанского
языка
Джавида Аббаслы

ОТ АВТОРА

Не все произведения, написанные одним и тем же автором, пользуются одинаковым успехом. Судьба некоторых из них бывает ясной, а некоторых — туманной. Раскрыть секрет, понять причину этого не так уж и легко, и искать в этом какую-то случайность, или закономерность — абсолютно бессмысленно.

Роман «Сражение в пустыне» существенно отличается от всех моих предыдущих произведений. Роман писался с трудностью, я потратил на него намного больше времени, чем любое другое моё произведение, и в процессе работы мне не раз приходилось отказаться от написанного. Во многих же случаях я отказывался от определённых частей произведения, считая их

противоречащими общему духу, языку, стилю и гармонии самого романа.

События, описанные в романе «Сражение в пустыне», происходят на фоне судьбы одного человека, однако здесь рассматривается судьба не отдельно взятого индивида, а всего человечества в широком смысле этого слова. Образ старика, движущегося в прошлое сквозь руины истории, влечёт читателя к раздумьям о судьбе всего мира. Описываемые события раскрываются на фоне дилеммы человека и времени, жизни и смерти, прошлого и будущего.

Взгляд на историю в романе не согласуется с традиционным подходом. Хронология истории пролистывается в контексте времени и пространства. И хотя подобное отношение к истории — переход времени к пространству — далеко от реальности, оно позволяет увидеть и показать суть мира и человека.

В произведении примечательно также то, что его язык не ограничивается информативным свойством, а несёт функцию, направленную на восстановление истории, и превращаясь в символический образ, становится одним из неотъемлемых компонентов художественного текста.

Роман написан в условно-метафорическом стиле, в связи с чем искать непосредственную связь

описанных в нём событий с реальностью совершенно бессмысленно. В произведении невидимыми узами связаны реальность с ирреальностью, иллюзии с явью. Однако, проблемы, выдвинутые в романе, исходят из горькой, жестокой реальности современного мира. События и ситуации сопровождаются описаниями, отражающими тончайшие оттенки скрытых слоёв человеческого духа, реализуемых в чувствах и мыслях, что обуславливает превращение невозможностей в возможность.

С точки зрения жанра, роман «Сражение в пустыне» обладает своеобразными оттенками. На протяжении сюжета события, представленные в авторском описании, воссоединяются с внутренними мыслями героя, обеспечивая художественную полноту. В совокупности, сюжет романа раскрывается на фоне событий и происшествий, далёких от текущей, временной актуальности, происходящих на фоне вечных ценностей.

По моему личному мнению, название «Сражение в пустыне» выбрано для романа весьма неудачно, и оно не совсем согласуется с описанными в романе событиями — однако, вынужден признать, что мне было трудно выбрать более подходящее для романа название.

Считаю, что каждый читатель, независимо от

возрастной категории, листая роман, сможет найти себя в нём. Однако, непременно найдутся и читатели, которым будет трудно осознать дух произведения и терпеливо наблюдать за ходом событий.

Надеюсь, что читатели, взявшиеся за чтение романа, не пожалеют о времени, потраченном на прочтение этого произведения.

*Баку,
21 декабря 2012 г.*

ПРОЛОГ

Не отрывая взгляд, старик просматривал безграничную пустыню, словно разыскивая в ней определённую точку, но осознавая тщетность этой затеи в песчаном океане, продолжал путь, безнадёжно держась за узду лошади.

Нестерпимая жара, подымающаяся с земли, словно из раскалённой печи, обжигала ему дыхание; но задыхаясь от жары и зноя, он продолжал путь, в надежде поскорее доехать до пункта назначения.

Поблизости, слева от дороги доносился дикий крик стервятников, раздирающих тушу громадного животного. Тёплое вечернее дуновение распространяло невыносимое зловоние трупа

животного, при обонянии которого его словно выворачивало наизнанку. Он пытался плюнуть, чтобы хоть как-то избавиться от этого зловония, но тщетно; во рту окончательно просохло, от усталости, жажды и зноя язык и губы окаменели.

Смирившись с бесконечностью пустыни, неизвестностью предстоящего пути и гармоничным топотом лошадиных копыт, он искал ответ на неожиданно возникший в сознании вопрос. Но он был в неведении об источнике этого вопроса, выраженного не только в его сознании, но и во взглядах и чертах лица. Он не знал, есть ли ответ на этот вопрос, или он просто адресован в никуда, в неведенье... Возможно, это даже не вопрос, а абсолютное безмолвие, сознание продолжения жизни и стремление знать, узнавать, жить...

Порой вся жизнь казалась ему в облике вопросительного знака, и он считал, что сама жизнь, появление на свет само по себе является вопросом. И невозможность найти ответ на возникший вопрос и осознать его направленность он связывал с необъяснимостью, исходящей из самого вопроса. Если сам вопрос необъясним, то едва ли представляется возможным найти на него ответ, или раздумывать над ним месяцами и годами...

Один из докучающих ему моментов его долговременного странствия был связан именно с

этим вопросом. Порой ему казалось, что этом вопрос имеет какую-то таинственную, необъяснимую связь с пунктом назначения, к которому он так тщательно стремится, и ответ, найденный на этот вопрос, откроет в его жизни новую страницу, и полностью изменит её.

Ничто не терзало его так сильно, как усталость, вызванная бесконечными раздумьями над вопросом, так глубоко впитавшимся в его сознание. Этот вопрос словно появился на свет вместе с ним, с момента его рождения, и независимо от него самого, закоренел в его душе, в его сознании, вырос и состарился вместе с ним, превратившись в вечный спутник его жизни. Временами он чувствовал о существовании этого вопроса, но желание найти на него ответ, или хотя бы задуматься над ним, никогда не занимало его мысль так сильно. Сейчас словно какая-то невидимая сила торопила его найти конкретный ответ на этот вопрос, призывая раз и навсегда избавиться от него, выкинув из памяти и сознания.

Лошадь, в неведении обо всём этом, подчинившись воле хозяина, продолжала идти вглубь пустыни, не замедляя шаги; зной, зловонье, жажда и неизвестность направления были ей не по чём.

Дорога длилась...

***

Солнце заходило, окрашивая землю необычным цветом, который, распространяясь по всей пустыне, наполнял его душу грустью и печалью, словно напоминая о бессмысленности и никчёмности жизни.

Он не мог оторвать взгляды от неба; впервые за всю свою долгую жизнь он видел солнце в таком цвете и облиии. Наблюдая за закатом солнца, он чувствовал, что всё закончилось, осталось позади, и все его надежды, мечты уходят в небытие. Словно всё, что связывало его с этим миром, исчезало вместе с солнцем, оставляя его в одиночестве с оголёнными, беспомытными чувствами.

С наступлением темноты постепенно исчезал и шум, царящий в пустыне, и невыносимая тяжесть ночи оседала не только на этом безбрежном песчаном море, но и на его душе. В его сознании, словно тучи, стихийно бродили странные тени, и пробуждая заспанные чувства, настраивали его на доселе непережитое расположение духа.

...Пустыня, встав на ноги, глядела вслед исчезающему свету заходящего солнца. Царило ощущение, что солнце больше никогда не взойдёт, утро никогда не наступит, и весь мир навсегда покроется мраком.

Наблюдая за закатом солнца, которое, собрав весь земной свет в кучу, прятало его за

горизонтами, старик ощущал, что непреодолимое смятение, воцарившееся в его душе, угнетает его сердце, и тщетно искал пути избавления от этих мучений, корчась от невыносимых терзаний.

С закатом солнца удлинялась тень всадника, изображая на земле странные черты. Привыкший к этому ежедневному изображению, он знал, что с исчезновением солнца исчезнет и его тень, и эта мысль вызвала у него невероятную грусть. Он хотел ещё немного понаблюдать за своей тенью, чтобы хоть немного отвлечься от собственного одиночества в этой бескрайней пустыне.

Старик никогда раньше не был так сильно привязан к собственной тени, и не осознавал её существование так отчётливо, как сейчас. Видимо, именно поэтому в его памяти не осталось ничего, связанное с собственной тенью.

Но с момента начала этого странствия по безлюдной пустыне он принялся по-настоящему заглядываться на свою тень, чтобы хотя бы временно позабыть об одиночестве. А в последнее время он стал замечать в действиях своей тени какие-то странности, что не на шутку беспокоило его. Тень вела себя несколько по-другому, словно выражая усталость от своего хозяина. Он отчётливо осознавал, что его тени надоело быть связанной с его телом, и она всячески стремится избавиться от него.

Теперь, заметив собственную тень, он вздрогнул, и независимо от себя потянул узду лошади, заставив её остановиться. Его тень совершала какие-то странные действия, словно пытаясь развязать какой-то узел, и скрывая от него что-то непонятное. Старик чувствовал, что тень всячески пытается оторваться, избавиться от него, освободиться от этой зависимости.

По выражению лица, движению губ было видно, что тень пытается что-то сказать, что-то довести до него. Но её не было слышно, и он совершал тщетные попытки. Дабы удержать её, не дать оторваться от себя.

— Постой, что с тобой? Что ты делаешь?

— ...

Тень безмолвствовала — но по её движениям было видно, что она услышала его. Это немного подбодрило его.

— Я с тобой разговариваю! Слышишь меня?

— ...

Тень молчала. Старик попытался повысить голос, но почувствовав, что губы словно заклинило, не на шутку испугался.

Тень продолжала упорно метаться, и с каждым его движением старик ощущал в отдалённых точках своего тела невыносимые боли. Он чувствовал, что внутри его что-то натянулось, и вот-вот оборвётся. Он не представлял себя без тени,

поэтому все сонные клетки, пробудившись, трясли его тело, и он с трудом удерживался в седле, чтобы не упасть. Старик чувствовал, что уже поздно что-либо предпринимать — изменить что-либо было невозможно. Его тень постепенно отрывалась от него, покидая его тело.

Внезапно старик ощутил, что какая-то сила покинула его душу, и в тот же момент его тело сникло — его тень покинула его.

В то же мгновение у него возникло желание развернуть лошадь, поскакать за тенью, догнать и удержать её, умоляя и уговаривая вернуться. Но ни конечности, ни другие части тела были неподвластны ему...

Немного отдалившись, тень остановилась, и помахав ему рукой в знак прощания, исчез в пустынной глуши. Впервые за время странствия старик ощутил одиночество.

«Что мне теперь делать без тени? Как я смогу пережить эту утёрю? Смогу ли я смириться с её отсутствием?».

Он взглянул на солнце, постепенно исчезающее за горизонтами, и ощутил в душе глубокую пустоту.

* * *

С закатом солнца далёкие широты пустыни

укутывались в тайну, скрывая всё, что дырявило его память, сознания, мысли. Словно тьма садилась не на бескрайнюю песчаную пустыню, а на его тело, впитываясь в его душу.

Он хотел сорвать с себя эту тьму, и все следы, оставляемые ею в его жизни, и навсегда избавиться от них.

Тусклый лучик света, исходящий из глубин его памяти, двигаясь сквозь тьму, погас в далёких пустынных широтах.

Наблюдая за печальным отражением света, исчезающего за горизонтом, он чувствовал, как опустошается его душа, и хотел хотя бы на мгновение приостановить течение времени.

Дуновение ветра пробуждала в его душе далёкую память, спящую на протяжении многих лет. Он чувствовал, как под тяжёлым грузом ощущений у него сгибается спина, и искал в себе силы, чтобы стряхнуть с себя это бремя, избавиться из этих тисков. Но тело его всё ещё ныло, словно терзаясь от исчезновения тени.

Пустыня безмолвно стонала.

ГЛАВА 1

На своём пути старик преодолел горы, равнины, леса, луга, долины и склоны, очутившись вконец в серой, бескрайней пустыне, где он уже

долгое время передвигался на лошади в неизвестном направлении, даже не зная пункт назначения. Вспоминая бесконечность преодолённого пути, он осознавал невозможность возвращения назад, и ощущал страх от предстоящих мучений и терзаний.

Осознавая, что навсегда покинул всё, что связывает его с этой жизнью — свой дом, свой очаг, своих родных и близких, у него ныло всё тело, и единственным его утешением была уверенность в том, что всё произошедшее связано невидимыми нитями с неизбежной участью.

Окончательно отрекаясь от будущего, он уверенно двигался в прошлое, и следовательно, в его душе не было никакого желания, никакой мечты. Он всего лишь хотел заново пережить всё прожитое; но не знал, сможет ли найти в разрушенной истории нечто, связанное с когда-то покинутым прошлым...

Пускаясь в путь, он ещё не знал, насколько кардинально изменится русло его жизни. Прошрое, к которому он стремился, было укрыто завесой, пробуждающей в его душе чуждые, непонятные чувства. Он столкнулся с совершенно иным зрелищем — его душа подвергалась безнадёжности с осознанием невозможности найти хоть какие-либо следы человечества, однако мысли о том, что пути назад уже нет, заставляли его

продолжать свой путь.

В далёких глубинах своей души старик горько жалел, что пустился в этот путь, но под влиянием какого-то чувства, впитавшегося в его душу, эта жалость тут же исчезала. Это чувство повторно кружилось в его сознании, окончательно нарушая его внутреннее равновесие.

Ожидая скорейшего завершения своего пути, он бросал усталые взгляды на далёкие горизонты, но его взгляды упирались на бесконечную широту бескрайней пустыни.

Дорога длилась...

* * *

Он ощущал в своём окружении невидимые тени, безмолвно парящие вокруг него, словно дуновение ветра; чувствовал их запах, дух, гармонию их реяния. Тени, словно чувствуя грядущую на них опасность, спешили исчезнуть, панически паря в воздухе. Но порой он ощущал, что тени никуда не спешат — они просто беспечно парят в воздухе. Ощущение присутствия вокруг него теней помогало ему забыть своё одиночество в бескрайней пустыне.

Но это ощущение длилось недолго — немного спустя, тени незаметно исчезли, и он почувствовал, как в его душу оседает холод

одинокости. Он вспомнил, как когда-то у него самого была тень — аж сердце заныло... Он потерял не просто собственную тень — он потерял свою опору, свою поддержку.

Дорога длилась...

Продолжая путь, он всё больше осознавал, что у него словно отобрали волю. Его чувства, годами замурованные в тесноте его души, отделялись от тела и разбрасывались по всей пустыне, постепенно срастаясь с пустынной землёй. Он чувствовал, как пустыня превращается в неотъемлемую часть его тела.

Устав от бескрайней широты, он хотел пристать к какой-либо ограде, границе, убежищу, где эта бесконечность прекращалась. Но всё вокруг него упорно тянуло его в бескрайнюю широту.

Однако эта широта привнесла в его душу умеренную свободу, отогнав страх тесноты, временами терзающей его душу. Теперь всё в его сознании металось внутри этой бескрайней широты.

С другой стороны, в лоне этой бесконечности он всё сильнее ощущал своё одиночество. Мысль о том, что он является единственным обитателем этой огромной земли, сильно беспокоила его, но он утешал себя тем, что находится за штурвалом этой земли.

Он двигался по определённому пути, даже не

зная, почему его упорно тянет именно в этом направлении. Ему было сложно отличать этот путь следования от других дорог в этой пустыне, так как все пути в ней исчезали в бескрайнем небытии. От бесконечной широты у него кружилась голова, и он продолжал путь, слепо подчиняясь его гармонии.

Дорога длилась...

ГЛАВА 2

Тот день, когда он решился отречься от будущего и вернуться в прошлое, вглубь истории, казался ему перекрестком мира, жизни, судьбы. «Как же так получилось, что я осмелился на этот шаг? Откуда у меня столько сил, столько упорства? Как я мог решиться на такое, не зная, что меня ждёт на этом пути?».

Его до сих пор изумляла собственная смелость, благодаря которой он, не колеблясь, решился на этот неожиданный, спонтанный шаг.

...С закатом солнца он внезапно почувствовал, как охладевает, опустошается его сознание. В его душе происходило какое-то непонятное изменение, и он ощущал собственное отчуждение; в его глазах всё вокруг теряло собственную ценность с невероятной быстротой. Он ощущал бессмысленность своего окружения, и терзающие его временами горести, боли и мучения

покидали его, превратившись в ненужные, бессмысленные чувства. Он оглядывался вслед уходящим терзаниям, не понимая причину их появления. Чувствовал, как какая-то необъяснимая сила в его душе стремится избавить его от мучительной неволи собственных воображений.

Эти изменения, взбудораживающие его душу, пугали его. Ему казалось, что эти изменения, происходящие в его душе, впитываются также в его внешность. Он менялся, превращаясь в совершенно другого человека — возможно, в совершенно иное существо.

Его лицо, щёки, конечности, различные части тела словно были неподвластны ему. Осторожно провёл рукой по щекам, горлу и шее, щупая пальцами всё тело сверху вниз. Все части тела были на месте; ничего не изменилось.

Он чувствовал, как всплеск, царящий в его душе, постепенно распространяется по всему телу, и он начинал осознавать всё происходящее в более ясном свете.

Он искал пути избавления от смятения, царящего в его душе, памяти и теле — однако, контролировать свои чувства и ощущения ему не удавалось; они словно были неподвластны ему, и управлялись какой-то невидимой рукой, заставляя его безмолвно выполнять команды. Он пытался изменить походку и поведение, но ничего у него не

получалось, и он, независимо от себя, подчинялся воле невидимой силы.

* * *

В последнее время он чувствовал такое безразличие к своему окружению, что ощущал полное одиночество, как на необитаемом острове. Он никак не мог понять, о чём говорят окружающие его люди, о чём они думают, что они хотят. Люди, с которым ежедневно встречался, сталкивался, внешне были похожи на него, и никакого различия в их внешности, походке, поведении не было. Они питались, гуляли, отдыхали, как все другие живые существа. Но всё это было внешне — в душе они стали совершенно иными людьми. Словно душа у людей была вызволена из тела, они превратились в какое-то непонятное существо. Он чувствовал, как его душа притесняется среди этих бездушных, бесчувственных, отчуждённых людей, пытается вызволиться из его тела раз и навсегда.

Время притесняло его, как тиски. Старик чувствовал, что его притесняют не месяцы и года, а века и эпохи, что он уже не уместается в границах времени.

Он желал опустошения гнезда своей памяти — был уверен, что это немного облегчит его

состояние.

Жизнь завяла, как цветок под палящим солнцем, полностью потеряв свою красоту и благоухание. Он всеми жилами мечтал, во что бы то ни стало, избавиться от всего происходящего, от подобного течения жизни. Он чувствовал, что его годами угасающая жизнь направлена на неизбежное русло, и он приговорён прожить эту монотонную жизнь до конца — эти мысли беспощадно угнетали его.

Ему осточертело бесцельно копошиться среди бессмысленных реалий этого мира. Он сам удивлялся себе — как можно терзаться одиночеством среди беспрерывно бродящей человеческой толпы, напоминающей муравьиное гнездо?! Страх бесконечной пустоты и бессмыслицы, разъедающий его душу изнутри, распространялся по всему ноющему телу.

Вокруг него веяло одиночеством, и чувствуя собственное превращение в пленника этих неизбежных ощущений, он сильно нервничал, его руки, пальцы тряслись от взвинченности.

Беззвучные волны безразличия упорно выталкивали его на берег, пытаясь отдалить его от человеческого океана. Барахтаясь между берегом и океаном, он пытался выяснить для себя дальнейшее течение жизни, но бессмысленность этой затеи ещё больше угнетало его.

Он чувствовал, как мутнеет душа, вокруг него, словно камнепад, сыпятся воспоминания и заботы, годами впитавшиеся в его память. Раньше он никогда не оглядывался назад, осматривая прожитую жизнь, не обращал внимание на исчезновение годов, отрывающихся от его жизни невидимой рукой времени. Но теперь, оглядываясь назад, он с изумлением осознавал, что прожитая жизнь не оставила в его памяти никакого задушевного, сладкого чувства.

Постепенно ему было всё сложнее понимать язык окружающих его людей. Они разговаривали на непонятном ему языке, употребляли какие-то странные слова и выражения — словно принадлежали какой-то иной национальности. Вокруг не было никого, с кем он мог бы пообщаться, поделиться мыслями — это ещё больше угнетало его, и он не находил себе места.

Чем глубже становилась бездна между ним и окружающими его людьми, тем больше людская масса отталкивала его, заставляя ещё больше отрекаться, замыкаться в себе.

Между тем он осознавал, насколько будет тяжело жить вдали от привычной обстановки, к которой он привязался на протяжении долгих лет. Поэтому он вначале пытался найти общий язык с окружающими его людьми, но удостоверившись в

бесполезности этой затеи, передумал. Понял, что отныне ничто не связывает его с обществом, в котором он живёт, и жить среди этих людей невозможно.

Таким образом, незаметно для себя, он изменил русло жизни и повернул её в другом направлении, и его внутреннее беспокойство заметно ослабло, с мыслью о том, что все его связи с привычной средой окончательно оборвались.

Жизнь давно уже потеряла своё было значение, весь мир полностью опустошился в его глазах.

* * *

Внезапно он услышал какой-то странный звук, и вздрогнул.

Словно где-то что-то треснуло от сильного, неожиданного удара. Затаив дыхание, он прислушался, чтобы определить источник этого звука, доносящегося из недр земли.

Звук треска продолжал раздаваться глухим, бесконечным эхом. Словно где-то, в огромном, безбрежном океане треснула огромная льдина, и расколотые ледяные глыбы, отдаляясь друг от друга, плыли в противоположном направлении, и трещина между ними постепенно превращалась в глубокую, бездонную, непреодолимую бездну. Он